

Сапарин Виктор Степанович

Поющие пески

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С19

С19 **Сапарин Виктор Степанович**
Поющие пески / Сапарин Виктор Степанович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2012. – 96 с.

ISBN 978-5-458-03520-0

ISBN 978-5-458-03520-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

В.Сапарин
Поющие пески
Главы из научно—
фантастической повести

ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ

Картина хаотического нагромождения песка простиралась во все стороны. Словно кто-то нагнал сюда со всего света эти бесконечные гряды, поросшие редкой травой. Песок, песок без конца...

При охвате взглядом большого пространства улавливались как бы волны, надвигающиеся вал за валом параллельно друг другу; местами они загибались, словно обтекая препятствия. Кое-где возникали своего рода песчаные всплески, здесь виднелись высокие барханы, глубокие ямы, — казалось, попади сюда — и тебя закачает. В других местах скопления песка напоминали застывшую, мертвую зыбь.

Здесь, в малоисследованной еще части пустыни, все было как и тысячи лет назад.

Третьего дня колонна автомашин комплексной экспедиции, покинув железнодорожную станцию, двинулась в глубь итого царства песков.

Павлик и Галя, студенты-практиканты, похожие на брата и сестру, оба белокурые и худощавые, подпрыгивали на заднем сиденье маленькой подвижной машины и вертели головами, боясь пропустить что-нибудь значительное.

Автомобиль вел бывший колхозный механик и изобретатель Прохор Иванович Евстигнеев, прибывший в эти края с Тамбовщины, впервые, как и студенты-практиканты, очутившийся в пустыне. Он сел за руль как человек, привыкший обращаться с машинами. В экспедициях ценят людей, умеющих «по совместительству» выполнять разные дела; поэтому Прохора Ивановича как бывалого человека и включили в состав экспедиции в качестве технического работника.

В пути их машина вместе с несколькими другими отделилась от основной колонны. Экспедиция рассредотачивалась, так как предстояло охватить исследованиями большой район.

Они ехали без дороги, прямо по пескам.

В одном месте им попались такие сыпучие пески, что даже легкий, проворный автомобиль, прозванный шутливо «козлом», забуксовал. Песок летел из-под всех четырех его колес, а машина все глубже погружалась в расползающуюся сухую хлябь, натекающую у подножья бархана.

В том, что они отстали от остальных машин, не было еще большой беды. Но через полчаса «козел» вдруг затих. Отказал мотор.

А вслед за тем на дальних песчаных буграх появились дымки, скоро закурилась вся равнина, накаленная солнцем, задул ветер и начал сечь лицо жесткими песчинками.

Пришлось спасаться в палатке, разбитой в относительно безопасном месте. Песок несся уже не поземкой, а крутился в воздухе вихрями, засыпая уши и глаза; и когда Прохор Иванович хотел бросить последний взгляд на окружающее, прежде чем нырнуть под парусину, он ничего не увидел: была тьма.

Когда буря кончилась, путники стали совещаться, что делать.

Прохор Иванович почувствовал, что ему как старшему нужно сказать несколько слов для поднятия духа их маленького отряда. Но Прохор Иванович не был большим оратором. Поэтому официальная часть его речи была предельно краткой.

— Стало быть, пустыня, — сказал он, — явление природы. Отсталое несколько. Вот и все. А пугаться нечего. Падачь духом тоже не след.

Но студенты, к его удивлению, вовсе и не казались озабоченными. Более того: им, по крайней мере Павлику, все это происшествие как будто даже нравилось.

— Ты не беспокойся, дядя Прохор, — сказал студент, натягивавший палатку, поваленную бурей; он встал на ноги и сдвинул кепку на затылок, — ничего не случится. Ты первый раз в экспедиции, ну тебе и кажется с непривычки, что дело плохо.

— Ты много бывал в экспедициях? — рассердился Прохор Иванович.

Он уже знал, что Павлик до университета учился в школе, никуда почти из родного города не выезжал и о жизни судил главным образом по книгам, которых, правда, прочел большое количество.

— У нас третий курс этой зимой на Кольский полуостров ездил, — сообщил Павлик. — На лыжах двести километров прошли. В пургу попали. На весь район шуму наделали: две группы лыжников искать наших вышли, самолет на разведку послали. Ну и все обошлось: только двое поморозили себе щеки. Для географа — самое рядовое дело...

Прохор Иванович и сам прекрасно понимал, что их отбившуюся машину с ее экипажем будут разыскивать и меры наверняка уже принимаются. Но сидеть и ждать, когда тебя «спасут», — это одно дело, а другое дело действовать самим. Не очень-то ловко, вместо того чтобы помогать экспедиции, отнимать у людей, делающих важное дело, время и силы из-за своей растерянности. Самим надо было выходить из положения. Кроме того, здесь, в этой дикой еще

пустыне, могут произойти всякие случайности: могут и не сразу найти горстку людей в этих песках. Ответственность за Павлика и Галю лежала на нем.

— Конечно, пропасть не дадут, — сказал он. — Но, как говорится: на дядю надейся, а сам не плошай.

Это была любимая поговорка Прохора Ивановича. Но что могли они предпринять?

После долгих споров решили произвести разведку местности. Галя осталась в лагере, а мужчины с лопатой и брезентовым ведром на веревке отправились к подозрительной, как показалось студенту, впадине километрах в трех от их вынужденной стоянки.

Вначале шли сыпучие пески, ступать по которым было и утомительно и горячо. Казалось, что это неостывшая зола, и верилось, что в ней можно испечь или сварить яйцо. Ногам было жарко, несмотря на обувь. Сверху палило небесным жаром, сухим и словно сверкающим. В мозгу возникали навязчивые видения: холодная ключевая вода — то текущая прозрачными струями по камням, то налитая в стакан. Павлик то и дело облизывал запекшиеся губы. Он уже несколько раз тянулся за фляжкой, но каждый раз его останавливал суровый взор дяди Прохора. На своих коротких ногах, обутих в мягкие сапоги, дядя Прохор шагал по горячим пескам упорно и терпеливо, с таким видом, словно рюкзак и лопата, которую он держал на плече, не отягощали его.

Так несет бывалый солдат свою полную выкладку в снег и в дождь, в жару и в холод, сохраняя то спокойное выражение, которое в трудную минуту только и прочтешь на лице у русского человека.

Сыпучие пески скоро сменились бугристой поверхностью с чахлыми кустиками и высохшей серой травой.

Они прошли уже не три, а добрых пять километров, но ничего примечательного не обнаружили.

Но вот в понижении, между песчаными буграми, они увидели большую, ровную глинистую поверхность, растрескавшуюся на многоугольники.

— Такыр, — сказал Павлик.

Прохор Иванович ударил лопатой по поверхности такыра. Лопата зазвенела как о камень.

Не очень широкая впадина тянулась вдаль, делая плавные изгибы среди песчаных бугров. За каждым поворотом открывались все новые ее участки.

— Слово река течет, — заметил Прохор Иванович.

У себя на родной Тамбовщине Прохор Иванович славился,

между прочим, умением находить самые подходящие места для рытья колодцев. Были у него чутье и основанная на тонкой наблюдательности способность как бы зримо представлять себе расположение подземных пластов глины и красного песка, подсматривая их выходы где-нибудь на обрывчике, поросшем поверху лопухом. Но здесь, в этом царстве барханов, всюду был один песок, и притом не такой песок, к которому привык колхозный умелец, а совсем другой — желтоватый, тонкий и сухой, как пыль. Ничего похожего на сырые, тяжелые, рыжие пески родного края. Что там скрывается, под этим толстым сыпучим желтоватым покровом, определить не было никакой возможности. Прохор Иванович подошел к границе такыра, воткнул лопату в песок, и ему показалось, что рыхлая, рассыпчатая порода тянется на километры вниз.

Впереди поверхность такыра пересекала извилистая трещина шириной сантиметров тридцать. Это было уже необычное явление. Подойдя к расщелине, Павлик заглянул в нее. Стенки изгибались так, что дна видно не было. Студент отломил несколько комков глины от края расщелины и швырнул вниз. Они покатались вглубь с постепенно замирающим шорохом.

— Гм... — произнес вдруг Прохор Иванович и потянул воздух ноздрями.

— Ты что?

— Водой пахнет, — сказал его спутник уверенным голосом.

Павлик посмотрел на Прохора Ивановича почти как на одержимого.

— Меня, брат, не обманешь. Я ее за полверсты чувю... — говорил тот между тем радостно и возбужденно.

— Какая тут вода, — начал было убеждать его студент, — весной, когда вода скапливается, тогда, правда, такыр на озеро подходит, а сейчас... От жары только может показаться! Хотя... — он вдруг замолчал и изменился в лице.

Он вспомнил, что в районе, куда направлялась экспедиция, ожидалось присутствие грунтовых вод близко от поверхности. Неужели такое совпадение: вода оказалась как раз под такыром?

Запустив брезентовое ведро в щель, Прохор Иванович осторожно начал вытаскивать сантиметр за сантиметром веревку, к которой оно было привязано. Скоро показалось ведро, сплюснутое от путешествия под землей, мокрое и с припухлостью на дне.

Двумя руками Прохор Иванович подхватил его и держал навесу, чтобы оно не сложилось.

В ведре была вода! Солоноватая, правда, но — они отведали ее

по очереди — безусловно пригодная для питья.

Наполнив фляги, они засекли местоположение природного колодца по компасу и заспешили в лагерь.

Павлик, возбужденный удачей, всю дорогу говорил.

— Надо будет сообщение составить, — сказал студент, когда они уже подходили к лагерю. — Здесь грунтовые воды, так думают гидрологи, должны где-то выбиваться на поверхность. Так показывает изучение стока. Хоть и не на поверхности, а все-таки мы воду нашли. Не зря эта впадина сразу меня заинтересовала...

Правда, вода под такыром очутилась, невидимому, совершенно случайно, но студенту казалось теперь, что это именно благодаря его проницательности грунтовая вода, которой так интересовались гидрологи, найдена им с Прохором Ивановичем.

Прохор Иванович тоже был доволен. Все-таки они не бездействуют, ожидая, пока их выручат, а приносят пользу.

— Вода — это все, — сказал он вслух, — что там говорить! Далековато вот только, — добавил он хозяйским гоном. — Бочонок надо будет прихватить в следующий раз. Вдвоем-то, я думаю, дотащим?

— Э-э, — мотнул головой Павлик. — Для нас с тобой вода не проблема. Ну, прислали бы в крайнем случае.

— Кто же ее прислал бы?

— Дядя Прохор, ведь это хоть и пустыня, но не Сахара какая-нибудь, а советская пустыня. Есть кому позаботиться тут о людях.

— На самолет, выходит, надеешься?

— Ну, конечно.

— Значит, прямо с неба все, что тебе надо, — держи руки шире! — так и свалится? Так вас учили? А знаешь поговорку?

— На самолет надейся, а сам не плошай?

— Вот именно!

Дядя Прохор даже поднял назидательно палец.

Но в это время как раз оттуда, куда указывал палец Прохора Ивановича, прямо с неба, как показалось путникам, послышался слабый шум, напоминающий отдаленный рокот мотора.

Оба остановились как вкопанные.

— Ну, что я говорил! — воскликнул Павлик.

Но звук затих так же неожиданно, как и возник. В безоблачном вечернем небе не было ни пятнышка.

— Стороной, видать, прошел, — сказал Прохор Иванович.

Через пять минут показалась палатка недалеко от бархана.

* * *

Галя сидела у костра, сложенного из сучьев саксаула.

— Наконец-то! — воскликнула она. По тону, каким она это произнесла, Прохор Иванович сразу почувствовал, как девушке было боязно одной среди песков и как беспокоилась она за судьбу своих пропадавших целых полдня товарищей.

Павлик торопливо рассказал о событиях дня. Затем с победоносным видом развалился на песке, вытянув ноги.

Его самолюбие исследователя, сделавшего первое в своей жизни самостоятельное открытие, было удовлетворено. В мечтах он видел себя начальником отряда, пересекающего пустыню и делающего открытие за открытием.

Галя доложила о своих делах. Она сделала разные наблюдения, очень интересные для нее, как будущего биолога, впервые очутившегося в пустыне. Здесь, на рубеже ползаросших и сыпучих песков, разнообразие природных условий делало разнообразной и жизнь животных и растений.

Вблизи корявых, скрюченных кустов саксаула, росших в отдалении от лагеря, она нашла в укрытой от ветра ложбине много следов на песке.

Одни из них, оставленные легким прикосновением двух маленьких ног, свидетельствовали вместе с многочисленными ямками, приколками и остатками погрызенных растений о присутствии здесь тушканчиков, причем, по-видимому, не одного, а разных видов. Галя надеялась встретить среди них и знаменитого гребнепалого, известного пока только в Кара-Кумах и Кызыл-Кумах, большого любителя лакомиться молодыми побегами саксаула. Этот прыгающий, как маленький кенгуру, зверек, забравшись на саксаул, отгрызает верхние веточки и сбрасывает их на землю, а потом, спустившись с куста, спокойно их поедает. Еще больше оказалось следов другого опасного вредителя растений пустыни — песчанки, грызуна, похожего на крупную мышь или крысу песчаного цвета. С этими зверьками человеку придется вести здесь, в пустыне, беспощадную борьбу: это серьезный его враг, препятствующий закреплению песков с помощью растений. Поэтому так важно знать повадки этих зверьков, все особенности их образа жизни.

Галя начала уже первые наблюдения.

Однако на вопрос Павлика, какие же она сделала открытия, девушка ответила, что ничего выдающегося не обнаружила.

— Эх, ты! — снисходительно произнес студент. Лежа на песке, он перелистывал Галин дневник. — Смотри, пожалуйста, полтетра-